

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Воспитание детей в благочестии, хранение их от самой страшной скверны должно быть главной задачей родителей. Это хорошо понимали святые Иоаким и Анна, родители Пресвятой Богородицы. Матери обычно трудно расстаться с единственным ребенком. Иоаким и Анна привели маленькую дочь за 120 километров из Назарета в Иерусалим, чтобы оставить Её в центре благочестия всего израильского народа, в святом храме, и без Неё вернулись в Назарет.

Бог облегчил им эту жертву, внушив первосвященнику Захарии ввести Пречистую не только внутрь храма, куда входили только священники, но даже за вторую завесу – в Святая Святых, куда один раз в год мог входить лишь первосвященник. Это событие было столь необычайное, что по-

вергло в изумление даже ангелов Божиих, сопровождавших первосвященника и ведомое им Дитя. На Всенощной церковный хор поет: *«Ангели вхождение Пречистыя видящее, удивившася, како Дева вниде во Святая Святых».*

Как объяснить это событие? Во втором Иерусалимском храме уже не было Ковчега Завета, который скрыл пророк Иеремия в неизвестном месте (2 Мак. 2:4-7), тем не менее, внутренняя часть храма – Святая Святых – оставалась для иудеев великой святыней, ибо была местом особого присутствия Бога. Но разве не достойна была войти в это святое место Та, Которая именуется Церковью Пречистым Храмом Спасовым, Селением Небесным? Первосвященник не только ввел будущую Богородицу во Святая Святых, но и дал Ей разреше-

ние приходить сюда для молитвы. До 15 лет прожила Она в комнате, пристроенной к наружным стенам храма. Она дышала не только вещественным фимиамом алтаря кадильного, но и угодным Богу фимиамом молитв священников и народа.

Так неизмеримо надежнее всех доступных людям ограждений была хранима Духом Святым Пречистая Отроковица Мария от всех скверн и соблазнов мира. Так подготавливалась Она к величайшему таинству воплощения Сына Божия.

Приводите в храм Божий детей, чтобы они дышали их святым воздухом, насыщенным не только дымом фимиама, но и таинственной благодатью совершаемых в них великих таинств и молитвами множества людей.

Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)

В НОМЕРЕ:

Сказки под микроскопом

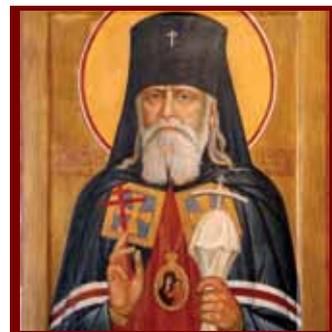
Русские народные сказки скрывают в себе много загадочного. Всё меньше и меньше «здорового смысла», «логики», «ясности» находят в них современный

человек. А дело в том, что **они написаны языком уже малопонятным для нас — языком метафор, символов, образов, аллегорий.** Пожалуй, только в поэзии и отчасти в прозе этот язык сохраняет ещё свои позиции. Но

бытовая образная речь уходит в прошлое.

Оказавшись в трудном положении, мы, как современные люди, можем сформулировать свои мысли, например, такими словами:

(Продолжение на стр. 4)

Было такое ощущение, что мы стоим точно так же, как когда-то стояли в катакомбах древние христиane... и все едиными устами славим Господа нашего Иисуса Христа...

С.8

КУЛЬТУРА

Фильм-опера «Борис Годунов»

Экранизированная постановка оперы М. Мусоргского «Борис Годунов», написанной композитором по одноименной драме Александра Сергеевича Пушкина, безусловно, является одним из самых выдающихся произведений театрально-оперного и кинематографического искусства периода Советской России. С момента первого показа состоявшегося в 1954 году, прошло уже 60 лет. Но этот, безусловно, шедевр киноискусства продолжает покорять сердца зрителей и в наше время.

Действие оперы относит нас к трагическим событиям Отечественной истории — последним дням жизни царя Бориса Годунова и началу Великой смуты XVII века.

Однако главное достоинство оперы отнюдь не в исторической достоверности. И вообще, я думаю, что рассуждая о любом художественном произведении подобного плана, следует исключить попытку рассматривать ценность этого произведения в сохроне сюжетной линии с реальностью исторического прошлого. Тогда в чем же будет заключаться ее главная ценность? Не только как оперы, но и как экранизации тоже.

Вряд ли мы когда-нибудь задумаемся изучать историю, используя для этого исключительно художественные произведения! Искусство не наука, и строгое следование исторической реальности не может быть наиважнейшей из его задач.

(Продолжение на стр. 7)

Сознательно или бессознательно?

Начнем с примеров из нашей жизни. **Пример первый.** Наверное, каждому из нас хотя бы раз в жизни приходилось быть свидетелем того, как человек теряет сознание. Как только человеку стало плохо, к нему тут же подбегают равнодушные люди и в меру своих сил и возможностей пытаются оказать первую помощь. Хорошо, если рядом оказываются медики-профессионалы – всем понятно, что как можно скорее нужно привести человека в чувство. И вот, наконец, он приходит в себя. Те, кто ему помогал, определяют – насколько человек адекватен. И лишь убедившись, что он действительно в сознании, можно как-то перевести дух. Очнувшийся, конечно же, благодарит всех, кто помогал ему, находившемуся в беспомощном, бессознательном состоянии и, в конце концов, привел в чувство.

Пример второй. В храм приходит группа людей. Кто-то хочет креститься сам, кто-то – окрестить своих детей. Священник сначала пытается выяснить, насколько сознателен этот их шаг. Однако в ответ он чаще всего видит не очень-то довольные, а иногда даже изумленные лица людей, торопящихся принять участие в обряде крещения. И в очередной раз убеждается, что они пришли в храм не сознательно, а, скорее, лишь следуя своим эмоциям, повинувшись традициям, устоявшимся мнениям и т.д. Когда же священник предлагает сначала разобраться и понять, хотя бы на элементарном уровне – что такое Православное христианство, что значит таинство вообщем и крещение в частности, иными словами, выйти на сознательный уровень – это чаще всего расценивается пришедшими как нечто, безусловно, лишнее; как чуть ли не попытку вторжения в их личную жизнь. Бывает, доходит и до открытого возмущения: «Вы что, хотите меня сознательно втянуть в вашу религию? Давайте, крестите нас побыстрее и без всяких там ваших лекций!» Фактически человек в этом (далеко не редком) случае добровольно отказывается и даже активно противодействует тому, чтобы его привели в состояние сознания, религиозного сознания, предпочитая оставаться без него.

Пьетро Лонги. Обморок.

Почему так происходит? Откуда взялся этот парадокс, когда человек сознательно выбирает бессознательное?

Всем известны слова французского математика Рене Декарта «Я мыслю, значит – существую». Но если вспомнить другую расхожую фразу: «Меньше знаешь – крепче спишь», то невольно напрашивается мысль о том, что многим как раз-таки проще пребывать в сонном, опять же – бессознательном состоянии. Ведь как же еще объяснить состояние человека, который хотя и называет себя христианином, но почему-то крайне редко сознательно проявляет христианство в своей жизни, постоянно пребывая в какой-то духовной спячке с редкими пробуждениями на Рождество, Крещение и (или) Пасху? И то вряд ли это можно назвать пробуждением, скорее – рефлекторными движениями во сне... А ведь святые люди творили молитву даже во время своего совсем непродолжительного сна! Да и Сам Спаситель отказался вкусить смоченную дурманящей жидкостью губку, когда Ему, распятому на Кресте, поднесли ее, чтобы облегчить ужасные физические страдания. Иисус Христос хотел до самого Своего смертного часа оставаться в полном сознании!..

Итак, как разрешить парадокс сознательного выбора бессознательного состояния?

На самом деле, никакого парадокса здесь нет. Действительно, так проще: жить как бы без сознания. Все о тебе пекутся, а ответственности за твои действия – никакой. Но даже если у человека и открыты глаза, это пока еще ни о чем не говорит. Можно и со вполне осмысленным выражением лица творить глупые и даже страшные вещи. А потом услышать такую знакомую и долгожданно оправдательную фразу: «Ну что с меня (с него) возьмешь?! Я же (он же) ничего не соображал...» С набором старых как мир и проверенных практикой причин: был пьян, пребывал вне себя от гнева, бес попутал и т.д. Какая же может быть здесь ответственность? Без нее как-то проще и комфортнее... Такое состояние очень похоже на хроническое заболевание (да простит меня читатель – снова пример из медицины). Далеко не всегда пациенту хочется по-настоящему выздороветь. Ведь нужно пройти через не очень приятные, болезненные процедуры, кропотливо и целенаправленно двигаясь к настоящему излечению. Гораздо спокойнее пребывать в некоем равновесном состоянии, когда болезнь и ор-

ганизм относительно мирно, как это кажется пациенту, существуют друг с другом. Тем более что такого человека все вокруг жалеют, и спрос с него гораздо меньший, чем со здорового.

Но самое интересное, что для настоящего христианина просто находиться в сознании, в биологически адекватном состоянии тоже недостаточно! Сознание... «Со знанием»... Для христианина важно не просто существовать, но пребывать в состоянии познания, сознательного бытия. И знания тоже имеют свою определенную ценность. В конце концов, христианин готов пожертвовать всеми своими знаниями ради одного – знания Бога. «И когда я приходил к вам, братья, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого...» (1 Кор 2:2) Вероятно, это и есть высшая форма сознания – знать Бога.

Так вот катехизация – это как раз и есть приведение человека в сознательное религиозное чувство. Это то начало, когда человек осознает – как ему, оказывается, было плохо, когда он был без сознания! И после чего начинает жить так, чтобы больше не терять его, т.к. понимает, что потеря религиозного сознания гораздо опаснее, чем физиологического.

В советские времена, когда в той или иной степени Церковь подвергалась гонениям, издавался прекрасный журнал под названием «Знание – сила». И здесь есть повод задуматься: если обычные знания – сила, то можно себе представить, что же тогда – знание Бога, сила Любви! Когда же человек пытается жить без этого знания, т.е. бессознательно, сразу вспоминаются великие слова Христа: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк 23:34).

И. Д. Межов,
преподаватель Епархиальных курсов при ОРОиК СПб епархии

К чему дорога, если она не приводит к храму? (из фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние»)

«День матери»... Каждый год мы его ждем и готовимся к нему. А он спешит нам навстречу под шелест последних осенних листьев, с первыми снежинками, в свете ноябрьского солнца. Ветер уже снял лиственный убор с деревьев, первым легким снегом выстелил полотно-узор — путь к празднику... Путь в материнство.

В праздновании «Дня матери» совершается почитание одного из главных предназначений женщины — продолжение рода, воспитание детей. В этот день мы величаем, воспеваем статус женщины-матери, материнское начало в каждой женщине. Много граней у материнства, и каждое поколение приобщается к этому неиссякаемому источнику и продолжает традицию.

С чего начинается мама? С первой колыбельной песни своему ребенку? С первых криков ребенка в родах? В период беременности? Или с подготовки к свадьбе, или... Когда?

В настоящее время как научное понимание, так и народная традиция единодушны в том, что каждая «будущая» мама начинается с «настоящей» мамы. Поэтому важно, чтобы «будущая мама» состоялась в материнстве достойно. Период беременности — это большая ответственность, серьезное отношение к своему духовному, душевному и физическому здоровью, и здоровью малыша. Здоровые родители завтра начинают со здоровых родителей, беременности — сегодня.

Поэтому такая важная грань, как оздоровление, овладение навыками здорового образа жизни становится все более актуальной и занимает достойное место в сознании современного поколения родителей, продолжая лучшие традиции здорового материнства.

Образ материнства — это наследство! Приобщение к ценностям материнской культуры девочки, как будущей матери, начинается еще с ее внутриутробного периода развития. Затем в статусе дочки девочка на своем опыте через подражание, проживание приобщается к ценностям материнства — любви, заботе, ответственности, ласке, обретает первые навыки материнского труда и служения.

Первые уроки по «маминой школе» проходят именно в семье. Владение основами домохозяйства, помощь по дому,

КО ДНЮ МАТЕРИ

Путь в материнство

посильное участие в трудовых семейных делах создают крепкий потенциал личности ребенка.

Образ материнства — это живая преемственность, закреплённая в традициях семейно-обрядовой культуры. Вспомним старинную величальную песню:

В кого, Таня, хороша?

В кого, Таня, хороша?

Ой люли, хороша,

Земляничка хороша!

Ивановна, пригожа,

Ивановна, пригожа?

Ой люли, хороша,

Земляничка хороша!

— Я в маменьку хороша,

В папеньку пригожа!

Ой люли, хороша,

Земляничка хороша!

«Дочки-матери». Игры имеют большое воспитательное значение в становлении родительских качеств: ведь свой первый запечатленный опыт ребенок стремится реализовать именно в игре. Когда девочки играют в «дочки — матери», крайне уместна словесная поддержка со стороны взрослых: «Какая ты «заботливая мама» — всех кукол накормила!»; «Молодец, что бережешь своих «куколок-детушек» — не мокнут они под дождем»; «Накормила — напоила, пора сказки рассказывать уму-разуму учить». Порой мамы сегодня забывают об этом важнейшем этапе.

Традиционная игрушка.

Традиционная народная культура входит в мир ребенка с первых его дней и сопровождает всю жизнь. Она выступает как добрый учитель, заботливая нянька, и большой друг для ребенка.

Игрушки детства, выполненные из разных природных материалов — бересты, лыка, коры, местных минералов, пород дерева ближних лесов, глины, металла, ткани, соломы — помогли познать природную красоту и богатство родной земли, почувствовать и полюбить «свою малую Родину». Игрушка способствовала формированию добрых отношений с окружающим миром, помогала принять и полюбить жизнь.

Сказки рассказывать. Из теплого детства мы помним традиционные народные сказки, которые обязательно заканчивались свадьбой: «И была у них свадьба, и жили они долго и счастливо, и родилось у них много детей...». В реальной жизни после свадьбы приходит понимание того, что самое трудное и важное еще впереди. Семья — это любовь и труд, счастье и служение, мудрость и опыт, вера и знания, испытания и преодоление.

Ценностное наследие семейной культуры России огромно. Традиция языка сказки формирует границы между тем, «что такое хорошо» и «что такое плохо», возвращая нас именно к ценностному миру. В сказках заключены ценности уважения, почитания и заботы о близких, память об ушедших, любовь к родной земле.

Мир традиционной сказки, в которой собрана народная мудрость, подготавливал и выстраивал перспективу семейной жизни, а язык метафоры помогал понять и почувствовать взаимосвязь чувства и дела, слова и поступка, чтобы «ум вошел в разум».

Традиция «сбереженное дитяtko». На пути приобщения к ценностям материнства особое значение имела традиция «сбереженное дитяtko», которая нашла отражение в обрядовой поэзии:

Сбереженное дитяtko,

Все Настасья Антоновна!

Сберегала ее матушка,

Сберегала и лелеяла:

Не давала ветру дунути,

Не давала дождю капнути,

Понесла ее в зелен сад,

Во зелен сад, под яблоньку,

Умывала калиною,

Утирала малиною,

Утирала - приговаривала:

«Ну, будь же, мое дитяtko, бела,

Без белеи лицо белешенько,

Без румян щечки красешеньки!

Эта традиция, идущая из глубокого прошлого, передает нам очень важный опыт материнской школы — «сбереженность» дочери. «Сбереженность» — часть пути в материнство. Не давала «ветру дунути» и «дождю капнути» — защищала от зла, нездоровых привычек, «лелеяла» — ставляла и приучала доброму и благому. А тот «зелен сад» и есть пространство материнской любви и заботы — ее сердце.

Уроки мамы будущей маме.

Проходят годы, девочка становится девушкой. В народной традиции ее называют красной девицей, умницей-красавицей, славутницей. Путь невесты — это путь жены и матери в будущем. Именно мамини уроки, беседы и наставления, «сбережение», заложенная с детства подготовка к будущему родителству, ориентация на крепкую, здоровую, дружную семью и формируют «новую маму», в самом светлом, глубоком и возвышенном, традиционном смысле этого слова.

Снова ноябрьский ветер опускает кружевной покров, выстилая путь. Материнство России — огромный прекрасный мир, идущий от сердца к сердцу, из поколения в поколение... Мы раскрыли несколько страничек этого пути.

Н. А. Москвичева-Гительсон, преподаватель Епархиальных курсов при ОРОиК СПб епархии

(Продолжение. Начало на стр. 1)

— Человек в безвыходной ситуации использует малейшую возможность для спасения.

Но мы, не задумываясь, часто говорим «по старинке»:

— Утопающий хватается за соломинку!

Коротко, ясно и образно. Это же просто маленькая сказка! И все прекрасно понимают, о чём здесь идёт речь, хотя в данном случае мы говорим на языке образов и под «утопающим» подразумеваем «человека в безвыходной ситуации», а под «соломинкой» — «малейшую возможность для спасения».

Почему наши далёкие предки свободно использовали этот язык, почему так любили именно образы, сравнения, подобию и почему чаще всего выражали свои мысли не в прямом, а в переносном смысле?

Мы знаем, что в глубокой древности человек гораздо теснее, ближе, интимнее, чем теперь, был связан с природой и её скрытыми силами. Сознание было иным, душа более восприимчивой. Мир духов, казалось, глубже проникал в мир земной, телесное острее реагировало на духовное. Стоит только вспомнить разговор мальчиков у костра в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг» из его «Записок охотника», как на память придёт и масса других похожих примеров. Люди верили в духов, загробную жизнь, в скрытые силы природы. Их представления об окружающем мире формировали определенное мировоззрение. Духов, особенно злых, было очень опасно тревожить, говорить с ними «по-простому», «на равных», а тем более прямо и пренебрежительно. В этом случае человек попадал к ним не только в немилость, но и в губительную зависимость. От духов нужно было постоянно защищаться, а говорить о них следовало тихо, намёками, отстранённо, взвешивая каждое слово... Домовой мог испугать и «задавить» невежу, уснувшего на его месте, а покойник, недовольный едой и питьём, оставленным ему на могиле в качестве погребального приношения, мог вернуться из загробного мира и наведаться к своим родным.

Отсюда — эзопов язык наших волшебных сказок, ведь практически в каждой из них речь идёт о взаимодействии человека с окружающим, в его предстании, миром. К сожалению, мы разучились понимать и видеть «изнутри» добрых

Сказки под микроскопом

сказочных героев, сказочных злодеев, да и сказочные события в целом нам представляются рядом вымышленных фантастических эпизодов. У нас даже возникает вопрос: а надо ли вообще вникать в образную сферу сказок? Разве у них есть «второе дно», разве в сказочном тексте что-то там «зашифровано»? Зачем нам их исследовать, да ещё так пристально, словно под микроскопом? Это же всё просто сказки, байки, выдумки! Наивная, детская игра воображения.

сказывай сказку!». А старичок ему: «Я не сказки буду тебе сканывать, а правду. Знаешь ли, что я в твоём доме видел? По полу ящерицы бегали...». «Оттого, — сказал хозяин, — что снохи мои никогда утарочка не подметут». «А по столу лягушки прыгали...». «Это они квас поставили на стол не благословясь». «Да ещё видел я: промеж старшим твоим сыном и его женою змея лежала...». «Это оттого, что они в ссоре». «А по избе две птички перепархивали...». «Это мои

простой характер узорочья...», — писал Сергей Есенин в статье «Ключи Марии». «Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу... “Я еду к тебе, в твои лона и пастбища”, — говорит наш мужик, запрокидывая голову конька в небо».

Нам известно, что на берегу Днепра, там, где стоял Перун и его «воинство», великий князь Владимир приказал построить церковь святого Василия. Как повествует летописец, по его приказу кумиры были повержены на землю, а сам князь стал христианином. Прежние боги из объекта поклонения постепенно превращались в мишень для насмешек.

Христианство внесло в крестьянский быт много нового. Уже само слово «крестьянин» говорит о Христе! В каждой избе постепенно появляются иконы, а в божнице за иконами, уживаясь с христианскими святыми, хранились... «антропоморфные деревянные скульптуры, которые служили объектом семейно-родового культа: почитаемые в качестве изображений предков...» (Н.А. Криничная).

Что мы видим? Православную икону, ОБРАЗ, а за ним — ещё один образ — деревянную скульптуру далёкого предка... И всё это как-то уживалось не только в одной избе, но и в одном и том же месте!

Так и во многих сказках новая христианская символика и образность соседствует с древней языческой образностью, с языческим мировоззрением. Но постепенно появляются герои с иным, уже христианским отношением к жизни, появляются и новые жанры — легенды, духовные стихи. Их возникновение тесно связано с евангельскими притчами, и для понимания их сокровенного смысла необходимо образное мышление. Как сказано в предисловии к четвёртому тому «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева, состоящему из русских народных легенд, «...песня и сказка, обратившись к Священному Писанию и житиям святых, преобразовались под их влиянием в новый род повествования — легенды». Сам Афанасьев пишет об этом

Но в том-то и дело, что сказка — не выдумка, не фантастика, не бегство от действительности! Наоборот, она служит более глубокому пониманию этой самой действительности. Сказочные персонажи, на первый взгляд, имеют довольно странный, фантастический облик — Жар-птица, Чудо-Юдо, Кощей, Лихо Одноглазое — но это только на первый взгляд! Если «сказка — ложь, да в ней намёк...», то разобраться с этими намёками, «расшифровать» их просто необходимо! Иначе, какие же мы с вами взрослые, разумные, ищущие познания, здравомыслящие люди? Тем более что многие сказки «расшифровывают» себя сами!

Так, например, в легенде «Видение» (А.Н. Афанасьев, т.4) к одному мужику попросился ночевать старичок. Мужик соглашается его пустить с условием, что старичок станет рассказывать сказки. И вот на следующее утро мужик говорит: «Ну,

два ангела перепархивали!» — говорит хозяин.

Мы видим, что притча, легенда, волшебная сказка — это не произвольная выдумка, но и не историческая хроника, не подбор различных исторических фактов, хотя она иногда использует их в своих целях. Её мир — не материальный, внешний, а духовный, внутренний. Сказка повествует нам о том, что происходит в душе человека, в её сокровенных глубинах. Всё внешнее, привидное, видимое берётся сказкой как подобие, как метафора для изображения скрытого, тайного, невидимого. Да и вся та среда, в которой рождались и жили наши волшебные сказки ещё с древних языческих времён, была насыщена самой разнообразной символикой.

«Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голубы на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не

так: «...если языческая старина служила обильным материалом для народной поэзии, то в свою очередь и христианские представления должны были найти в ней свой живой отголосок». Действительно, в легендах мы видим, как древнее языческое сознание начинает постепенно преобразовываться под влиянием животворящего христианского духа. Евангельские притчи не могли не оказать своего влияния на появление легенд. **Сказку озарил изнутри новый чудесный свет...**

Давайте рассмотрим внутреннюю образную основу одной из известных русских народных сказок. Итак...

Во времена советской эпохи фильм-сказку «По щучьему веленью» (режиссёр Александр Роу, 1938 г.) просмотрели, наверное, все — от стариков и до маленьких детей. Герои фильма прочно вошли в сознание советских людей как неразрывно связанные с этой экранизацией народной сказки. В основу фильма легла русская народная сказка «По щучьему веленью», в обработке А.Н. Толстого (Русские народные сказки, составитель В. П. Аникин, М., «Правда», 1985.). Однако фильм все-таки отличается от книжной версии. Но ведь и она не единственная! Давайте попробуем разобраться.

Итак, в кинематографической версии создана новая «модель» русской народной сказки. В ней отражена именно советская идеология. Емеля — положительный герой, хороший парень, а «царь Горох, повелитель блох» — злой, трясуший старик. Тиран, эксплуататор! Он всех готов «посадить на кол», он отобрал у Емели и его матушки последнюю корову... И вот Емеля вынужден идти не за молоком, а за водой к реке, где и попадаете ему в ведро волшебная щука. В фильме образ Емели облагорожен и приукрашен — он не лежит на печи, а плетёт лапти, играет на гармошке.

В сказке «По щучьему веленью», которую приводит В. П. Аникин, Емеля представлен несколько по-другому. Это своеобразный прообраз Обломова, герой, прилипший вместо дивана к своей печке: дурачок, лентяй и любитель дармовщины. В оригинальном варианте читаем: дурачок Емеля ведёт ленивый, праздный образ жизни. Братья работают, а он «целый день лежит на печке, знать ничего не хочет». На все просьбы у него один ответ: «А мне не-

охота...». Он начинает шевелиться и что-то делать только тогда, когда речь заходит о подарках и гостинцах. Вот поймал он щуку, которая ему говорит: «Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только: «По щучьему веленью, по моему хотенью».

Эта волшебная фраза творит чудеса: сами собой идут домой вёдра, топор колет дрова, а дрова «сами в избу идут и в печь лезут». Сани без лошади едут в лес, а топор, к тому же, вырубает дубинку «такую, чтобы насилу поднять». И она бьёт народ, который Емеля «помял, подавил». Как всё это сочетается с помощью добрых высших сил?

Казалось бы, здесь за Емелю постоянно заступается чудесная добрая сила (щука), но кого она защищает? Лентяя, эгоиста и дурачка, живущего по принципу «не тронь меня». Емеля любит, «когда его ласково попросят», то есть, унизились перед ним, пойдут на поводу его мелких эгоистических интересов. Странно!

Лишь за «красный кафтан, шапку и сапоги» он соглашается поехать к царю, да и то не слезая с печи. Почему он не просит щуку сразу перенести его на царский двор? Это же и быстрее, и проще, и ехать никому не надо. Нет, Емеле надо на-

сладиться властью над доброй силой, которая ему почему-то всё время помогает. «Дуракам везёт!» — говорит наш народ, но при этом знает, что «везёт» лишь до поры, до времени. Но время «везения» в этой сказке не кончается вплоть до самого финала!

Сказка вызывает недоумение. Как же так? Ведь в других волшебных сказках под личиной «дурака» скрывается юная, легкоранимая душа человека, свободная от корысти, стремящаяся к развитию, жаждущая правды и справедливости!

«Хоть Ивана вы умнее, да Иван-то вас честнее...», — говорит Иванушка-дурачок своим вороватым братьям в сказке «Конёк-горбунок». Он часто попадает в ситуации, из которых «умный» человек легко бы вышел, совершив сделку со своей совестью. Но «дурак» не способен на это! Он прост, честен и беззащитен. В нём живёт душа правдолюбца, блаженно-юродивого, человека «не от мира сего». Вот почему он носит маску «дурачка». С дурака какой спрос? Ему всё прощается. И любому человеку, даже царю, он может сказать правду в глаза!

В опере Мусоргского «Борис Годунов» (текст по Пушкину и Карамзину), в четвёртом действии, есть такая сцена:

Борис (останавливаясь перед Юродивым): — О чём он плачет?

Юродивый: — Мальчишки отняли копейку, велика их зарезать, как ты зарезал маленького царевича.

Шуйский: — Молчи, дурак! Схватите дурака!

(Борис останавливает повелительным жестом Шуйского.)

Борис: — Не троньте!.. Молись за меня, блаженный!

(Уходит.)

Юродивый (вскакивая): — Нет, Борис! Нельзя, нельзя, Борис! Нельзя молиться за царя Ирода!.. Богородица не велит.

(Народ в ужасе расходится...)

Мы видим здесь, как устами «дурака» говорит народная совесть. И в глубине своей души, без сомнения, согласна с этим. Однако, отношение к блаженным, святым «дурачкам» со временем менялось, да и в самом народе было не всегда устойчивым, однозначным. То, что произошло с экранизацией сказки, можно считать настоящей трагедией! Ее смысл, вся система духовных координат была нарушена и «преобразована» до неузнаваемости. Как такое могло произойти?

Обратимся теперь к другому источнику. А.Н. Афанасьев приводит два совершенно различных по своему внутреннему духовному смыслу варианта сказки о волшебной щуке: «Емеля-дурак» и «По щучьему веленью» (Народные русские

(Продолжение на стр. 6)

(Продолжение. Начало на стр. 5)
сказки А. Н. Афанасьева, Лени-
здат, 1983).

В первой сказке дурак то и дело произносит всё ту же волшебную фразу: «По щучьему веленью, по моему прошенью», но при этом верит словам щуки, сам складывает дрова, соглашается почитать жён своих братьев «как родных матерей». Он не просит щуку, чтобы его полюбила, напротив, дочь короля сама, по собственной воле, влюбляется в Емелю! И ещё — он никогда не говорит: «А мне неохота...», не угрожает царю разорением его царства.

Сказка кончается примирением всех героев: «Король их простил, и стали вместе жить-поживать да добра наживать». Емеля не становится «владыкой», «царём», у него нет царских замашек, нет желания кем-то править. Просто ему повезло — вдруг попала на его пути добрая щука. Это — как неожиданно найденный клад, который можно себе спокойно присвоить. Емеля-дурак становится смышлённым хозяином-обывателем, эдаким богатым купцом, приближённым к правящей верхушке.

Сказка записана в Новгородской губернии и вполне соответствует народным взглядам на почтенное купечество, на «честное богатство».

Второй вариант сказки о доброй щуке («По щучьему веленью») отличается от всех предыдущих своей яркой духовно-нравственной направленностью. Здесь нет никакого Емели! Главный герой не имеет даже имени, он просто «бедный мужичок», «убогий». «Сколько они ни трудились, сколько ни работал — всё нет ничего!». Из своего нищенского, безвыходного положения он делает такой вывод: «Видно, я Богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться...».

«Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает: «Пойду хоть воды принесу — ужю вместо шей хлебаю». Взят ведёрко, пошёл к колодцу...».

Там, в колодце, в почитаемом чистом месте, попадает ему в ведёрко большая щука.

«Обрадовался мужик: «Вот и я с праздником! Наварю ухи...». Говорит ему щука человеческим голосом: «Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю... Только скажи: по щучьему веленью, по Божьему благословенью явься то-то и то-то — сейчас явятся!».

Всё становится на свои места. **Чудесные силы приходят**

Сказки под микроскопом

к человеку на помощь по его трудам и молитвам, а не падают с неба ни с того, ни с сего.

Когда на столе у мужика появляются «всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай», он не набрасывается на еду, а вначале идёт в церковь. И лишь после того, как «отстоял заутреню и обедню, воротился... закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку».

Царевна не подаёт ему милостыню, но убогий не обижается, а говорит про себя: «По щучьему веленью, по Божьему благословенью пусть царевна... родит себе сына!».

Так и происходит. Мальчик растёт «не по дням, а по часам», через неделю уж говорить стал... В сказках это всегда намёк на участие высших сил в судьбе человека. Не случайно убогий мужичок на вопрос царя: «Твой это ребёнок?» отвечает: «Нет, Божий!».

«Царь разгневался, обвенчал убогого на царевне, а после венца приказал посадить их вместе с ребёнком в большую бочку и пустить в открытое море». Что стоит за этими событиями? Гнев царя Ирода? Рождение Сына Божия? Бегство Святого Семейства в Египет? Ведь в бочке находятся три человека, которых понесли «буйные ветры и прибили к далёкому берегу»... Так или иначе, евангельские события повлияли на сказочный сюжет и придали ему свои характерные черты.

Возле дворца, где живёт царевна со своим мужем и сыном, в пруду плавают по воде «двенадцать уток и селезень... на головке у селезня чуб бриллиантовый». Что это, как не намёк на 12 апостолов и Христа?

Сказка заканчивается словами: «Стали они все вместе жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать». Никакого «пира на весь мир» нет, есть куда более важное событие — исправление царя, стремление к «избыванию», то есть, к изгнанию из бытия лиха и горя.

Почему же этот, самый, на наш взгляд, глубокий по своему нравственному содержанию, вариант сказки мало кому известен и почему он не лёг в основу фильма? Ответ довольно прост — по идеологическим соображениям. В атеистическом государстве не было места «Божьему благословенью», тем более на широком экране.

Как пишет В. П. Аникин, «В. И. Ленин читал «Смоленский этнографический сборник» В. Н. Добровольского и «Северные сказки» Н. Е. Ончукова. Утром следующего дня после чтения В. И. Ленин сказал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Какой интересный материал... Я бегло просмотрел вот эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желаний всё это обобщить, всё это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Вот на что нужно было бы обратить внимание наших историков литературы». Ещё более конкретно высказалась на эту тему Н. К. Крупская: «Старую книжку надо «осветить», переделать...».

Что же сделали в ответ на это указание «историки литературы», советские писатели, режиссёры и кинематографисты? Говоря военным языком, «взяли под козырёк». Отмашка сверху была дана. И началось...

Одним из активистов этого важнейшего партийного задания стал А. Н. Толстой. Трудно себе представить, каким варварским «обработкам» подверглись беззащитные, добрые, светлые сказки! Всё божественное вырезалось и уничтожалось. Царь мог быть только злым, жадным, придурковатым «повелителем блох», над которым возвышается Емеля — сознательный крестьянин, строитель новой жизни под руководством щуки...

Всё народное творчество стало рассматриваться «под социально-политическим углом зрения». Все сюжеты, в сущности, должны были доносить до сознания «широких масс» одно — торжество идей коммунизма. Такова была воля вождя.

Но шитая белыми нитками «советская сказка» закончилась. Началась другая... Какой она будет на этот раз?

Обобщая исследованный сказочный материал, можно подвести некоторые итоги. Конечно, подобное исследование не может быть адресовано детям. Только в зрелом возрасте человек может научиться читать «между строк», соединяя своё абстрактно-аналитическое мышление с образным, может увидеть «второй план», понять всю глубину древнего эзопового языка...

А детям совсем не нужно объяснять сказки! Их аналитическое мышление ещё спит. Конечно, если оно продолжа-

ет спать и у взрослого человека, то что тогда он может понять в сказках? Только то, что он понимал в детстве, когда все сказочные образы принимались за «чистую монету». Такой человек уже не верит в Бабу Ягу, но верит в ВЫДУМКУ об этой Бабе Яге. И всё. И никаких образов, никаких глубин...

Но вспомним слова Сергея Есенина: «Люди должны научиться читать забытые ими знаки. Многие пребывают просто в слепоте нерождения. Их глазам нужно сделать какой-то надрез...» («Ключи Марии»). И далее: «Наше современное поколение не имеет представления об этих образах. В русской литературе за последнее время произошло невероятнейшее отупение...».

Эти слова были сказаны по-этом в начале XX века, но актуальны они и по сей день! Что происходит с нашими сказками? Кто и как их пишет, читает, рассказывает? Живёт ли в них народная мудрость, духовность? Что понимают под духовностью её интерпретаторы и создатели? На книжном рынке — масса отечественной и зарубежной литературы в жанре «фэнтези»... Не возврат ли это к язычеству, кровавым обрядам, идолам, колдовству и прочим «престелам»?

В наших русских былинах часто встречается выражение «Идолище поганое». Что это за образ? О чём, или о ком здесь идёт речь? Вот как пишет об этом В. М. Мокиенко в своей книге «Образы русской речи»:

«Идолище поганое» — это сказочное языческое чудовище, олицетворяющее темную, враждебную силу. В былине «Илья Муромец и Идолище» это чудовище («Одолище») прямо противопоставлено христианству: *Не стало в Иерусалиме*

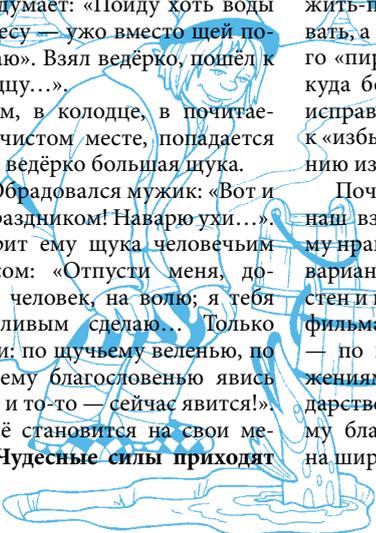
четья-петья церковного,

Не стало звона колокольного, Расселилось Одолище поганое, Поганое Одолище, проклятое...»

Борьба с «кумирами», «идолами» и «идолищами» далеко не окончена. Для того, чтобы верно понимать сложившуюся ситуацию, место сказки в современной литературе и пути её дальнейшего развития, необходимо помнить слова поэта:

«Люди должны научиться читать забытые ими знаки».

Сергей Смольянинов, детский писатель, композитор, педагог

(Продолжение. Начало на стр. 1)

Русский богослов и философ Павел Линицкий в своей статье «Об искусстве» отмечает, что главное назначение искусства состоит в том, чтобы выразить временные и еще более вечные идеалы в удобовоспринимаемой, сильно действующей на душу форме. Он поясняет, что донесенные до зрителя высокие идеи значительно важнее существующей действительности. Этот же взгляд на задачу искусства выражает и знаменитый русский мыслитель Владимир Соловьев в статье «Общий смысл искусства».

Поэтому можно с уверенностью сказать, что главная ценность фильма-оперы заключена не в исторической достоверности сюжета. Рассуждая о достоинствах этого произведения, следует добавить, что фильм-опера имеет значительное преимущество по сравнению с обычным художественным фильмом. Ведь опера — это и музыка. Прежде всего, это музыка. Возможно, что ни один вид искусства, даже поэзия, не могут настолько тонко и полно передать все движения человеческой души, ее настроение, переживания и радость, как их передает музыка. Обычная человеческая речь, даже на фоне закадровой музыки, не настолько красочно и ярко выражает душевное состояние человека, как выражает его пение. Музыка есть зеркало души. «Только музыке, — пишет профессор Линицкий, — свойственно изображать душевные настроения, различные состояния и свойства души человеческой».

Творческому коллективу артистов фильма-оперы «Борис Годунов» удалось создать неповторимые по своей искренности и выразительности образы героев тех лет, раскрыть их уникальные личности, передать всю сложность внутренних переживаний, личную трагедию каждого персонажа. Это создается как выразительной игрой талантливых артистов, так и прекрасным оркестровым исполнением музыки М. Мусоргского. Фильм детально отражает быт русского народа того времени; создается незабываемое ощущение путешествия в историческое прошлое. Тщательно подобранные цветовые гаммы картин в каждом эпизоде создают соответствующую атмосферу, подчеркивая драматизм происходящих событий. Но, безусловно, главное настроение задается музыкой,

КУЛЬТУРА

Фильм-опера «Борис Годунов»

которая определяет основной акцент содержания, духовного смысла картины, создает ее как живую и напряженно-сосредоточенную. Радостной, веселой музыки в опере мало: она присутствует лишь в нескольких эпизодах, и основные тона — минорные, этим подчеркивается драматизм событийной линии.

Действие оперы начинается со сцены в Чудовом монастыре, где народ, после смерти бездетного царя Феодора, умоляет Бориса Годунова занять царский престол. Этой напряженной картине противостоит, пожалуй, самая радостная, полная светлых надежд картина оперы — сцена, где только что коронованный царь обращается к народу со своей первой речью. И образ царя здесь представлен именно как образ живого человека, а не политического деятеля; человека, страдающего от укуров совести, осознающего всю тяжесть своего проступка, и в то же время хорошо понимающего взятую на себя ответственность. Это подчеркивает музыкальная составляющая

образа царя — красивый мужественный баритон, все его арии отличаются горячими чувствами, искренностью и прямотой. Но хотя царь и осознает свою ответственность за народ, необходимость заботиться о нем, его продолжает мучить совесть, не давая забыть о том, что он получил эту власть путем тяжелого преступления — убийства законного наследника, царевича Дмитрия. Все душевные муки царя обличает его совесть. Их не затмит величием царской власти, и выражены они в арии Бориса, начинающейся словами: «Болит моя душа...». Здесь соединены не только личные глубокие переживания царя, его запоздалое сожаление о содеянном преступлении, но и страх за будущее страны и за собственных детей. Перед нами встает еще один па-

раллельный образ: в юном сыне царя Бориса, почти ребенке (в музыкальном плане его образ дополняется высоким, по-детски нежным голосом) угадывается отражение подлинного наследника — убитого Дмитрия. Борис словно предчувствует, что за совершенный им тяжкий грех последует возмездие: его собственного сына постигнет та же злая участь, что и убитого царевича. Возможность не совершать тяжкий грех упущена навсегда. Зловещая тень неизвестности нависла над всем домом Бориса. Грустной песней оплакивает безвременную тяжелую утрату — смерть своего жениха — дочь царя, Ксения. С наибольшей яркостью трагедия Бориса — трагедия нераскаявшегося грешника, разворачивается в одной из центральных сцен оперы. К ожидающему смерти царю входит патриарх и духовенство, желая посвятить умирающего в монашеский чин. «О, злая смерть! Как мучишь ты жестоко, уже ль греха не замолить?!...» — криком отчаяния звучат слова царя на фоне торжественно-печальных погребальных песнопений. Тяжела и страшна смерть! И в то же время страшная, погубившая его страсть властолюбия не оставляет Бориса и перед лицом его надвигающейся кончины. «Постойте, я еще царь ваш!» — восклицает несчастный и падает замертво.

В некоем противопоставлении с образом царя Бориса — Гришка Отрепьев. Беглый ученый-монах, возомнивший себя карающей Божьей Десницей, которая поразит царя-преступника. В этой точке жизненные трагедии обоих преступников пересекаются. Одним двигало, а другим еще только начинает двигать страстное желание: завладеть неправедными путями царской властью. Первый достигает цели через убийство, а второй — через грандиозный обман. Весь образ Гришки Отрепьева пропитан ложью: это подчеркнуто в опере его манерами и его голосом — высоким, пронзительным, слащавым. Неискренность и фальшь будут сопутствовать ему повсюду. Он, не смущаясь, распространяет ложь по всей Руси, стремясь обманным путем завладеть доверием простого народа, который

уже теряет доверие к избранному им же самим правителю. Высшая точка, апогей этой лжи отражает одна из заключительных сцен оперы. На фоне сожженных его же дружинами деревень, Лжедмитрий, обласканный в доспехи польского принца, дерзко объявляет себя сыном царя Иоанна и заявляет о своем желании занять «отчий престол». Льстивым и слащавым голосом он призывает людей последовать за ним. Здесь вновь, как и в начале оперы, звучит бодрый торжественный марш, однако вскоре он сменяется на протяжную тоскливую песню юродивого: «Плачь, душа православная, русский люд...». В этой песне — и пророчество о наступающей Великой смуте, и раскаяние русского народа за легкомысленность, доверие обманщику, который пришел на Православную Русь под латинским крестом.

В заключение хочется сказать, что есть еще одна важная деталь, позволяющая по достоинству оценить то, в какое именно время была экранизирована опера. Это 1954 год. Я думаю, фильм-оперу «Борис Годунов» можно по праву назвать настоящим памятником мужеству, воле и несгибаемости великого русского народа. Советская идеология, прикрываясь лозунгами призрачной свободы, была на самом деле направлена на уничтожение самобытной духовной и религиозной сущности человека. Истрадавшаяся, но не сломленная художественная творческая личность сумела создать потрясающие по своей неповторимости, красоте, духовной глубине и богатству образы и сцены из исторического прошлого, — живые, правдивые, близкие всем нам, абсолютно лишённые какой-либо идеологической или политической подоплеки...

*Николай Аринушкин,
студент СПбПДА*

Сегодня храм, освященный в честь священномученика Серафима (Чичагова), сияет чистотой, только что закончен ремонт, такая красота! И мы имеем возможность учиться прямо в стенах храма! Так необычно! Вот сегодня пол мыла не просто в аудитории учебной, а в храме... Это большая ответственность.

И мне вспомнилась наша первая Литургия 2 марта 2014 года. Служил отец Илья Макаров. Видно было, как он рад, что наконец-то мечта сбылась: вот она, самая первая служба в новом храме! И мы как-то немного волновались, но в тоже время торжественно настроились, невольно и нам передалось радостное волнение батюшки. Помещение явно требовало ремонта, алтарь был не отделён от прихожан — студентов ЕКРО, нас было немного, наверное, человек 20, не больше, но не было среди нас ни одного равнодушного, все пели, все причащались... И такое удивительное единство ощутили, такую радость, невыразимую словами!

После службы мы сидели за столом, пили чай. Никто не хотел уходить, так было тепло и хорошо. И батюшка, и еще несколько человек сказали почти слово в слово: «Было такое ощущение, что мы стоим точно так же, как когда-то стояли в катакомбах древние христиане... и все едиными устами славим Господа нашего Иисуса Христа». Удивительная была эта самая первая Литургия в новом храме, просто почти физическое ощущение Божьего присутствия. Такие минуты не забываются! Благодарить консулась наших сердец. А затем были написаны эти строчки.

*Мы стояли как в катакомбах...
Не украшены стены пустые.
Нас так мало... Священник, помню,
Говорил нам слова простые...*

*И мы вместе молились Богу
Без алтарной преграды привычной.
Суету отпустили, тревогу...
Всё обычно... и так необычно!*

*И все пели одним дыханьем,
И был каждый голос услышан.
И священник был вместе с нами.
Каждый верил — Господь нас слышит.*

*И присутствие Божье — чудо!
Мы поём, как одними устами.
И я чувствую — врат не буду,
Что Господь — Он здесь, рядом с нами.*

Домовой храм открыт

*И молитва ввесь улетала,
Благодать серебром сверкала,
Мягким светом, нежным сияньем,
Тихим звоном, благоуханьем...*

*И причастие было чудом,
Точно — Таинством, очищеньем.
Бог был здесь, знаем мы... Откуда?
Он одаривал нас прощеньем.*

*Тут Господь. То мы точно знали.
Он — Любовь, мы Его все дети...
Отлетели наши печали,
Мы забыли про всё на свете.*

*Сердцем Истину постигали,
Когда пели, когда молчали,
Все мы Господа ощущали
И прощение получали.*

*Мы закончили... помолчали.
Никого мы не поучали.
Я запомню, как сердце стучало.
Эту службу. Это начало.*

*Бог — Любовь. Мы все Его дети.
Не забыть нам минуты эти.
Этот храм. Эти стены пустые.
В сердце Свет. И слова простые.*

«И священник был вместе с нами», — это не случайные слова. Батюшке Илье искренняя благодарность за искренность и за веру, которую он несет людям. Я в этот день поняла очень ясно мистическое значение слова «Церковь». Это действительно Богочеловеческий организм,

а не просто собрание верующих в Бога людей. И еще я благодарна всем своим сокурсникам за счастье и радость от соборной молитвы. Это такая удача, что у нас теперь есть свой храм! Слава Богу за всё!

*О, Господи, пойми:
Я чувствую всей кожей,
И сердцем, и душой,
И чем-то там еще —
Ты рядом, Ты живой,
Ты ждёшь меня, мой Боже,
И я теперь с Тобой.
Всё будет хорошо.*

*О, Господи, прости,
Что долго так плутала,
И что найти Тебя
Никак я не могла.
Отчаянно звала,
Страдала, унывала
И в панике звонила
Не в те колокола...*

*А Ты ведь близко был,
Всегда был рядом с сердцем,
Но в сердце темнота,
Ужасный, страшный мрак.
Как мог в него войти?
Куда там было деться?
Но Свет сиял вблизи,
Я чувствую, что так.*

*О, Боже, помоги
Мне стать такой, как в детстве:
Всё чувствовать опять,
И радоваться вновь.
Для сердца помоги
Найти такое средство,
Чтоб вычистить всю грязь,
Пусть в нём живёт Любовь!*

*С причастия иду...
Твой Свет во мне сияет...
Ты рядом! Ты живой!
Ты сердце осветил!
Я чувствую Тебя
И ничего не знаю...
А Ты-то знаешь всё.
И Ты меня простил.*

*Любовь Золотарева,
3 курс*